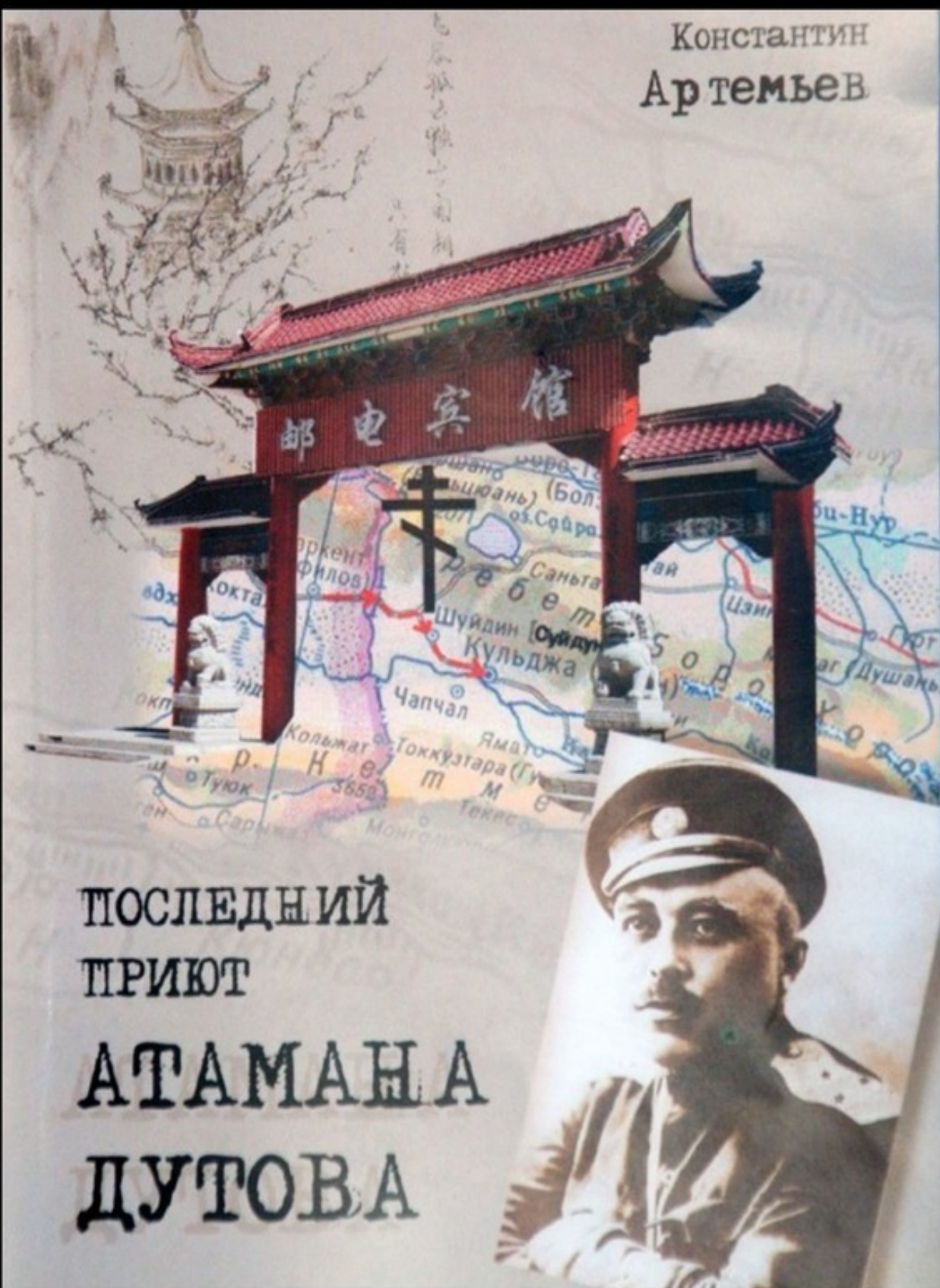

Константин
Артемьев

ПОСЛЕДНИЙ
ПРИЮТ
АТАМАНА
ДУТОВА

Константин Артемьев

Последний приют атамана Дутова

«Издательские решения»

Артемьев К. П.

Последний приют атамана Дутова / К. П. Артемьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963151-0

Приключения оренбургского журналиста в китайском Синьцзяне, поиск могилы атамана Дутова, история его потомков, легенды о гибели атамана и утрате Табынской иконы Божьей Матери, а также многое другое представлено на страницах этой книги. Написанная в форме захватывающего путевого дневника, книга предназначена для широкого круга читателей без возрастных ограничений.

ISBN 978-5-44-963151-0

© Артемьев К. П.
© Издательские решения

Содержание

Константин Артемьев	6
Последний приют	7
От автора. Правда, полуправда, история...	7
Век XXI-ый. По той же кульджинской дороге	10
Век XX-ый. Голова атамана	12
Век XXI-ый. Китайский бы выучил. Только – за что?..	14
Век XX-ый. Борьба противоположностей	18
Профессиональный экспроприатор	18
Александр Дутов: две войны, четыре образования	19
Век XXI-ый. В гости – на погосте	21
Век XX-ый. Красный бронепоезд	24
Советы в СИЗО и на воле	24
Наш паровоз вперед лети!	24
Бронебойным, пли!	25
Век XXI-ый. Хлеб, песня и	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Последний приют атамана Дутова

Константин Павлович Артемьев

© Константин Павлович Артемьев, 2019

ISBN 978-5-4496-3151-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Константин Артемьев

Последний приют атамана Дутова

От автора. Правда, полуправда, история...

* * *

Я не историк. И изучая в 80-х годах прошлого века в разных Вузах историю КПСС и марксистско-ленинскую философию, уяснил для себя, что в течение одного текущего столетия эта наука, как правило, выражает субъективный взгляд победителя. То есть точку зрения тех, кто стоит у власти. Это потом она начинает переосмысляться уже ни в чём не заинтересованными потомками. И в результате лет через двести-триста, наконец, можно понять, как же в действительности происходили события. Например, во время войн и революций.

О том, когда и как в Оренбуржье реально началась гражданская война, я узнал не так давно от старой казачки из Нижней Павловки. Старушке тогда уже было под девяносто. Она, 1914 года рождения, прекрасно запомнила, как горела её деревня.

– Ну, как же, помню революцию, – кивала головой бабушка Лёса. – Весной восемнадцатого...

– Наверное, осенью семнадцатого? – осторожно поправил я.

– Ну, у вас в городе, может, и осенью, – обиделась старушка. А у нас в Павловке весной. Мне тогда в июне четыре года сравнялось, а в апреле они наш дом-то и сожгли.

– Кто они?

– Да красные, кто ж ещё-то. Свои б не стали жечь. А эти шли по дороге и по пути в окна бомбы бросали зажигательные.

– Зачем?

– А я знаю? Мы ж казаки, а они – из города. У них пушки, пулемёты. Отец нас спрятал, а сам дом потушить не смог. Из бочки воду ведром носил. Разве так потушишь... Вот и остался от хозяйства только хлев, да конь под седлом. Он мать с нами отвёз в землянку на бахчи, мы там летом жили. А сам на коня, да – к Дутову. А у кого не пожгли дома, те и в красные тоже подались, и в белые. Кто – куда. Отец сгинул где-то под Челябинском в тифозном бараке. Потом однополчанин вернулся, к нам приходил, рассказывал матери.

Поначалу история сгоревшей Нижней Павловки показалась мне полным абсурдом. Для чего красным понадобилось ни с того, ни с сего забрасывать стоящие здесь у дороги казачьи дома зажигательными бомбами? Однако, наведя справки, я узнал о красных превентивных ударах по казачьим станицам, проведённых в апреле 1918-го после гибели отряда губернского комиссара Цвиллинга и казачьего налёта на Оренбург. В том числе и по Нижней Павловке. В рамках, как бы, актов возмездия. Но Цвиллинг-то погиб в станице Изобильной, комиссаров и матросов в Оренбурге резали форштадтские и нежинские казаки. При чём тут тихая и спокойная Нижняя Павловка? Её-то за что жечь?.. А чтоб другим неповадно было.

Вот ведь как, оказывается, начинаются все гражданские войны. Не из-за борьбы идеологий и не из-за высоких материй, а из-за одного сожжённого дома. А нас учили...

Не буду утверждать, что все советские историки обманывали нас. В восьмидесятые годы прошлого века нас учили, скорее, полуправде. Преподавание истории КПСС обычно ограничивалось рассказами о «белом терроре» и его «красных жертвах».

Ещё в детстве меня потрясла мемориальная доска на невзрачном доме по улице Ленинской. Она была посвящена семьям красноармейцев, порубленных белоказаками 4 апреля 1918 года. Кто-то из взрослых рассказывал мне, школьнику, как давным-давно видел в нашем

краеведческом музее страшную картину, написанную оренбургским художником Паниным, на которой изображалась та рубка женщин и детей. Сколько же их тогда погибло: десяток, два, три?

Однако в книге воспоминаний участников гражданской войны в Оренбуржье, изданной в 1939 году Чкаловским книжным издательством, я прочитал о шести убитых женщинах и детях из числа 129 погибших. А в очерках истории ВКП (б) в письме Центрального комитета партии оренбургским большевикам с соболезнованиями по поводу погибших красногвардейцев возникли новые цифры. Судя по ним, получалось, что из 130 бойцов, зарубленных 4 апреля, под казачью шашку попали в том числе только две женщины и один ребенок – пятилетняя девочка. По крайней мере, так в апреле 1918 года были проинформированы сотрудники центрального аппарата власти Советской России. Женщины, вероятно, приехали навещать мужей и находились в казармах вместе со спящими красногвардейцами. И, вероятно, просто попали в общей неразберихе под слепой сабельный удар.

Конечно, и эти жертвы не могут быть оправданы с точки зрения нормального человека. Но ведь до сих пор никто из историков так и не удосужился выяснить, что довело оренбургских казаков до такой степени бешенства, при которой уже ни женщины, ни дети в расчет не принимались.

Почему-то до недавних пор упрямо умалчивались и обстоятельства гибели 2 апреля 1918 года оренбургского губернского комиссара, 27-летнего Самуила Цвиллинга. Тем более никому в голову не приходило вспомнить, что творили красные в Оренбурге в течение двух месяцев после прихода Цвиллинга и Коростелева к власти в январе 1918 года.

А, может, советские историки просто скрывали от нас невыгодную для себя половину исторической правды? А мы до сих пор учим своих детей по их субъективным учебникам, переизданным уже в девяностые годы двадцатого века. Учебникам, которым так трудно верить.

Я не историк. И не сожалею об этом. В ходе своих многочисленных журналистских расследований я привык действовать по системе Станиславского: проживать в предлагаемых обстоятельствах, предварительно досконально изучив все возможные и невозможные документы и версии. Со всех сторон. Ведь если собрать и систематизировать информацию из разных, противоречащих друг другу источников, а потом ещё и побывать на месте происходивших событий, тогда прошлое вдруг открывается перед твоим мысленным взором ясно и чётко. Главное при этом думать и действовать рационально, исходя из простейшей логики жизни. Тогда всё становится понятно.

Мой друг и коллега назвал эту выработанную мною систему «принципом сермяжной правды», предостерегая при этом от эмоций, во власти которых в этом случае можно запросто оказаться. Наверное, можно. Тут приходится предупредить читателей, что какими бы источниками информации я ни пользовался, в результате всё-таки излагаю свою собственную версию происходивших событий. Где-то могу и ошибиться. И всё же, на мой взгляд, такой подход лучше исторической полуправды, честнее, что ли...

Попробовав посмотреть с этих позиций непредвзято и объективно на начало гражданской войны в богатой и сытой Оренбургской губернии, я пришёл к странным и неоднозначным выводам. Выводы подкреплялись архивными документами, научной литературой советской поры и книгами оренбургских эмигрантов, изданными в Харбине и Париже.

Но вот что удивительно, – мне удалось доказать самому себе, что к развязыванию гражданской войны в нашем крае оказывался практически непричастен атаман Оренбургского казачьего войска Александр Дутов. А ведь его именем в советское время было принято детей пугать.

И вообще, фигура атамана Дутова была настолько яркой и необычной, что я ему даже позавидовал. Взлёты до уровня генштаба и резкий уход в тихое преподавание провинциальным кадетам. Постоянное профессиональное самосовершенствование. Участие в боевых действиях

на японском и германском фронтах. Большая семья и походная жена. Карьерный рост за один год от простого командира полка до войскового атамана и уполномоченного в ранге министра временного правительства. Победы и поражения в гражданской войне, отступление в Китай, гибель при загадочных обстоятельствах...

Всё это требовало понимания и осмысления.

А после этого осмысления сам собой возникал вопрос, – где похоронен последний атаман Оренбургского казачьего войска? Для ответа на него стоило отправиться в неблизкое путешествие.

Век XXI-ый. По той же кульджинской дороге ***Август 2007 года, Алма-Ата, Казахстан – Кульджа, КНР***

Автобус на Урумчи уходил в полночь от привокзальной площади Алма-Аты. Площадь была абсолютно пустынная, если не считать двух моих алма-атинских коллег, провожавших непутевого оренбургского путешественника в соседний Китай.

– Смотри, местным не проговорись, зачем приехал, – инструктировали они. – Пытайся русских отыскать. Должны помочь. А главное, смотри, дальше Хоргоса на этом автобусе не умотай. Хотя, кто тебя дальше границы повезет за твои двадцать долларов? Ни перед кем не раскланивайся и улыбайся старайся пореже. Китайцы ценят уверенных в себе, высокомерных, серьезных. Обязательно торгуйся, цену сбивай вполтину. И не удивляйся тому, что увидишь, вот, в автобусе, например. Он ведь тоже – китайский.

Не удивляться было сложно. Вместо привычных кресел в обыкновенном междугороднем автобусе располагались двухъярусные нары с высокими стенками. Каждый пассажир должен был ехать, лежа в своей ячейке, напоминая то ли металлическую люльку, то ли цинковый гроб. Сходство с последним дополняло то обстоятельство, что ехать следовало ногами вперед. А ступни приходилось прятать в выемку, уходившую под голову переднего соседа.

– Кто ж так ездит?!..

– Наши казахстанские челноки, – улыбнулась старшая по группе. – Ничего, россиянин, за ночь выплывешь, а утром уже на границе будем. Давай паспорт, вместе с нами пройдешь без проблем. У тебя, кстати, нет медицинской книжки? Ну, и хорошо, на границе купишь казахстанскую. Она всё равно одноразовая. Китайцы их после проверки сразу же выбрасывают.

Стараясь больше не задавать навояющих вопросов своим словоохотливым соседкам (автобус был заполнен по большей части женщинами), я забрался в верхнюю ячейку и в скрюченном состоянии забылся тревожным сном на мягком китайском матрасе.

* * *

– В Урумчи?

Я утвердительно кивнул.

– Цель приезда?...

– Бизнес, – уловив удивленно-недоверчивый взгляд китайского пограничника, который только что выяснил, что у меня при себе всего-то триста долларов, я попытался выровнять ситуацию. – Точнее – туризм. Ну, и прикупить кой-чего...

Раскосый парень в зеленой форме грустно взглянул на «руссо туристо» и шлепнул печатью. Хорошо, что не стал разбираться со странным челноком, едущим из Казахстана в Китай с российским паспортом, да еще и денег при себе не имеющим. Мои казахстанские соседки торговались с погранцами по поводу декларирования пяти-семи тысяч долларов. Декларации вообще начинались только с трех тысяч. А как мне еще объяснить цель своего приезда в его Китайскую Народную Республику? И так пришлось простоять лишнего у стойки таможенного контроля, пока «зеленые фуражки» выясняли, почему их приборы высвечивали в моем российском заграничном паспорте лишние знаки. Оказалось, паспорт новый, а приборы старые. Ладно, хоть нашлись еще два таких же как я бедолаги из России среди сотен казахстанцев, штурмовавших погранпост.

Автобус из Алма-Аты, который довез меня до приграничного городка Хоргос, тем временем ушел на Урумчи. Но эта столица Синцзян-Уйгурского автономного района была интересна настоящим челнокам, везущим доллары на урумчинский рынок, где закупалось все, от шмоток до дешевого пива. Мой же путь уходил от трассы вправо на Шуйдин и Кульджу. Знать бы

только, как туда добраться, не понимая ни слова по-китайски? Турист-авантюрист... К счастью, следующий автобус из Казахстана подкинул меня до местного автовокзала.

На междугороднем автовокзале Хоргоса русским языком владел лишь меняла. Он знал единственную фразу – «Хороший курс» – и числительные, да и то не все. Пришлось обменять у него десять долларов, чтобы стать его лучшим другом, которого надо довезти до Кульджи. Похоже, именно так он договорился обо мне с водителем кульджинской маршрутки. И за двадцать юаней отправил в нужном направлении.

В объемистом маршрутом автобусе традиционно были заняты все возможные места, даже приставные в проходах, блокирующие выходы. Так что в случае ДТП выбраться оттуда не представлялось возможным никому, кроме самого водителя. А летел он шустрее наших газелистов. Китайцы, уйгуры и дунгане с восточным смирением ожидали конца пути. А я, сидя на привилегированном месте у окна, жадно всматривался в проносящиеся мимо поля, персиковые сады и шеренги пирамидальных тополей с голыми стволами, больше напоминающими бамбук.

Почти девяносто лет назад по этой же самой дороге, мимо китайских полей и рощиц, от границы СССР по направлению в Шуйдин, называемый тогда на уйгурский манер Суйдуном, скакали чекисты-ликвидаторы, посланные по заданию Дзержинского – ни больше, ни меньше – за головой атамана Дутова.

Век XX-ый. Голова атамана ***Февраль 1921 года, Суйдун, Китай***

Вьюжным февральским вечером 1921 года у штаба атамана Дутова, расположенного в китайском городе Суйдуне в сорока километрах от советской границы, появились два всадника. Один, Насыр Ушурбакиев, остался с лошадьми у часового, другой, Махмуд Ходжамьяров, прорвался в приемную, чтоб лично передать атаману какой-то особо важный пакет от начальника Жаркентской милиции Касымхана Чанышева. С ним Дутов поддерживал тайную связь, считая его своим человеком во вражеском стане. Чанышев с 1918 года, по сути, был полевым командиром басмаческого формирования, перешедшего потом на сторону красных. Отличался он тем, что в свое время грабил белых, уходящих за кордон. Имел богатых родственников в китайской Кульдже, любил золото. Для ушедшего в Китай атамана он был ценным осведомителем. Дутов и предположить не мог, что имеет дело с двойным агентом. Что именно Чанышев по заданию Петерса и Дзержинского станет организатором операции по устранению его самого. Но восток, как говорится, – дело тонкое.

Атаман к тому времени вместе со второй женой и маленькой дочкой жил в отстроенных казаками казармах за полкилометра от суйдунской крепости, куда русских, не расставшихся в чужой стране ни с оружием, ни с амуницией, местные власти пустить побоялись. В торце казармы у него был отдельный кабинет, рядом – небольшая комната для семьи.

Александр Ильич вскрыл печать, когда посланец вдруг выхватил наган. Молодой ординарец Лопатин успел заслонить собой Дутова, за что и получил первую пулю. Вторая слегка задела голову атамана. Третья, попав ему в руку, срикошетила в живот. Она и стала смертельной.

Убийца выскочил в окно. Его напарник, услышав выстрелы, ударил ножом часового, казака Маслова, подал коня и вместе с товарищем скрылся в буране. Поднятые по тревоге казаки перекрыли все дороги, ведущие из Суйдуна к границе, но чекисты-ликвидаторы словно испарились.

Как им удалось провести казаков Дутова, прошедших огонь и воду? Восточные киллеры оказались не только коварными, но и хитрыми. Они ушли не в сторону советско-китайской границы, а в противоположном направлении, в Кульджу, еще на пятьдесят километров вглубь Китая. И там несколько дней отсиживались в доме богатых кульджинских купцов, родственников Чанышева.

Через три дня после убийства в Суйдуне на маленьком русском кладбище у реки Доржинки прошли похороны последнего атамана Оренбургского казачьего войска, его ординарца и часового. Когда страсти улеглись, у могил ночью, таясь, появились три фигуры.

Проезжавший утром мимо кладбища в Дорже старик-уйгур заметил, что свежая могила «русского генерала» почему-то разрыта. Вызванные им из казарм казаки откинули крышку гроба и обнаружили тело своего атамана обезглавленным.

Чекисты тем временем уже пересекли границу Китая, торопясь в советский город Жаркент. В грязном холщовом мешке они везли главное доказательство удачно проведенной операции – голову атамана Дутова.

Всех троих за это поощрили. Руководитель ликвидации Касымхан Чанышев, к примеру, был награжден золотыми часами с цепью, личным трехлинейным карабином, а главное – мандатом, подписанным лично заместителем Дзержинского Петерсом. Мандат давал Чанышеву широчайшие полномочия.

Дзержинский с Петерсом своего добились. Атамана Дутова так никто и не смог заменить в белом движении от Семиречья до южной Сибири. Оренбургские казаки стали уходить из Суйдуна в Кульджу и Харбин. Их потомков сейчас можно встретить по всему миру: в Австралии

и Канаде, в Китае и Южной Америке. Практически все они хранят предания об умном, порядочном и справедливом атамане Оренбургского казачьего войска Александре Ильиче Дутове. Вот только никто почему-то до сих пор не знает, где находится его могила.

Век XXI-ый. Китайский бы выучил. Только – за что?.. *Август 2007 года, Кульджа, КНР*

* * *

Тяжко русскому в Китае, если он не знает местных языков, – китайского, уйгурского или казахского. Ну, на худой конец – английского. Меня упорно не понимали окружающие. Со служащими отелей, банков и магазинов еще можно было общаться при помощи калькулятора, все остальные только вежливо улыбались.

Шофер автобуса, доставившего меня в Кульджу, после длительной жестикуляции все-таки понял, что нужна гостиница. Привокзальная иностранцев не принимала принципиально. А у водителя не было времени нянчиться с непонятным русским. Нет, конечно, я пытался читать китайские фразы, написанные русскими буквами по привезенному из Оренбурга разговорнику, но местные шарахались от такой замысловатой речи. Оказывается, в их языке главное не слово, а – интонация...

Водила прибежал к своему автобусу, из которого я и не собирался вылезать, с двумя молодыми китайцами. Крепкие парни весело улыбались, потирая кулаки. Что бы это значило? Местный рэкет? Или просто побьют? При помощи всех возможных жестов уже немолодой, серьезный и опытный водитель маршрутки попытался мне втолковать, что у него нет времени, надо ехать обратно в Хоргос. А мне помогут эти двое. Вот их микромашина. Я помещусь на заднем сиденье. И – в гостиницу!

Автомобиль слегка напоминал «Фольксваген-Гольф» тридцатилетней давности, только с четырьмя дверцами и продавленными почти до асфальта сиденьями. Ну, как говорится, на безрыбье... Поехали, ребята, по местным кульджинским отелям!

Хорошая гостиница была, в принципе, не так уж и далеко от автовокзала. Китаец все время болтал по телефону. Потом в чем-то пытался убедить меня. Похоже, торговался по цене на свою услугу. Ну, это проще: я же по-китайски вообще не понимаю. Какие деньги, братишка? Вот у меня тут пять юаней завалялось. Хватит?

Китаец в ужасе замахал руками, вытащил калькулятор и показал мне на нем цифру пятнадцать. Ах, пятнадцать юаней! Китаец опять что-то завопил, доказывая свою правоту. И активно мотал головой, повторяя единственно понятное мне слово – «Доллар». А не слишком ли шикарно? За что, интересно, больше сотни юаней отдавать? За то, что к гостинице подвезли? Меня вот из Хоргоса до Кульджи маршрутка за двадцать юаней подбросила. А тебе здесь сотню платить?! Ну, в крайнем, если не договоримся, так и быть, десять долларов и пять юаней...

Парень устал вопить и жестикулировать. Он в очередной раз набрал номер на своем мобильном и просветлел. И мне трубку отдал.

– Здрась-сиси... – промурлыкала трубка непонятным голосом. – Я могу вас переводить. Меня просить... Вам нужен гостиница?

– Конечно! – я искренне обрадовался первым русским словам даже с жутким китайским акцентом. – Только скажи, друг, сколько она здесь стоит. А то я смотрю, шикарная. Дорогая, наверное?

– Передайте трубка...

Мой сопровождающий счастливо завопил что-то неизвестному переводчику. Потом отдал мобильник мне.

– Три, три... – заикала трубка, – три... цать йен.

– Тридцать? – удивился я местной дешевизне. – Нормально. Это в сутки или как?

– Сутка, сутка, – обрадовалась трубка. И добавила, – Три по сто.

– Триста, что ли? Ты чо, офонарел? – я вспомнил инструкцию своих казахстанских коллег и пошел в наступление. – Это ж сорок долларов за ночь! Больше тыщи рублей! Да откуда здесь такие цены?!

Перепуганный парень-китаец выхватил у меня мобильник, пытаюсь понять, отчего так возмущается приезжий. И еще с минуту что-то объяснял переводчику. Со мной трубка общалась уже извиняющимся тоном.

– Нет, извините, не три по сто, а половина: один по сто и один пес-се-сят. А ес-сё столько – гарантия. Ну, вот, вес-си, кровать, телефон... Гарантия. Потом назад отдавать...

– А-а!.. В залог, что ли, надо сто пятьдесят оставить?

– Залог, залог, – опять обрадовалась трубка.

– Этим-то ребятам сколько платить?

– Они сами сисяс говорить. Они сказать, недорого. Сказать, вы не знать по-китайски. Они вам помогать... Они недорого...

– Ладно, разберемся.

Я отдал телефон парню и не терпящим возражения тоном произнес:

– Пойдём-ка сперва в гостиницу устроимся, а уж потом рассчитаемся, помощнички.

В гостинице доллары не принимали. Парни взвыли, хлопнули себя по лбу и свозили меня в ближайший офис «Бэнк оф Чайна». Там мне удалось втолковать клеркам, что юани нужны мелкими купюрами, чтоб можно было ещё поторговаться с парнями. А те в холле гостиницы убеждали служащих, что мне нужен отдельный люкс за сто пятьдесят юаней в сутки. Насколько я понял, такие номера стоили здесь по двести, но для меня нашелся один за сто пятьдесят над кухней ресторана. А какая, собственно, разница, если в номере есть кондиционер?

Все бы ничего, но эти косые улыбочивые ребята совершенно не знали нашего, такого простого и понятного, русского языка. И, похоже, даже не желали его учить! Вот как бы им объяснить, к примеру, что мне нужна русская школа?

Пока китайцы спорили с портье, я обратил внимание на стоящего рядом старика, который что-то втолковывал то ли по-уйгурски, то ли по-казахски своему молодому спутнику. На стойке рядом с ним лежал паспорт Республики Казахстан.

– Извините, вы не говорите по-русски?

Старик удивленно округлил глаза и горделиво произнес:

– Говорю. Как же. Я ведь в Ленинграде учился!

Выслушивать его биографию мне было некогда.

– Вы не могли бы перевести этим ребятам, что мне нужно найти в Кульдже русскую школу. Ну, школу, где преподают на русском языке.

– Я понял, – величественно остановил меня старик. – Проблема в другом: я не говорю по-китайски. Погодите-ка.

И он обратился к своему молодому спутнику на родном казахском языке. Тот усиленно закивал и что-то стал объяснять китайцам. Те – ему. Он – опять старику. Аксакал с важностью обернулся ко мне:

– Мой друг знает только уйгурский, казахский и китайский. Я буду переводить ему с русского. Эти молодые люди поняли, что вам нужно, и спрашивают, когда вас туда везти: сейчас или завтра?

Я взглянул на часы, было полпятого.

– Сейчас поздно, наверное: лето, каникулы...

– Ну и что, – возразил старик. – На каникулах обычно занимаются взрослые. За плату, конечно. И преподаватели должны быть. Я вам советую не откладывать до завтра. Езжайте с ними сейчас. А завтра в случае чего уже будете знать, где это находится. И им уже платить больше не придется. А вещи можете оставить пока за стойкой. Ну, как, переводить?

Где наша не пропадала! Через пять минут мы уже мчались на дребезжащей машине по широкой и свободной главной улице Кульджи.

Но и это не было концом моих приключений. Вместо русской школы очумевшие от общения с иностранцем парни привезли меня к Илийскому областному педагогическому университету. Неужели здесь можно найти кого-то, кто хотя бы понимал по-русски? Охранник показал нам на ближайший корпус. Первый этаж, второй, третий.

В отличие от раскаленной улицы здесь было прохладно, пахло свежей краской. Наверное, той самой, синей, которой до половины были выкрашены стены. А полы – коричневые. Ну, точно, как в наших сельских школах. Из открытой двери ближайшей аудитории донесся нестройный хор десятка голосов:

– При-бе-жа-ли в из-бу де-ти...

Мои китайцы не стали дослушивать Пушкина, а нахально ввалились в открытую дверь. Хор замолк, и через полминуты из аудитории вышла симпатичная черноволосая женщина с удивленно распахнутым взглядом.

– Вы из России?

– Да.

– Из Барнаула?

– Нет, из Оренбурга. Это на Южном Урале. Я ищу в Кульдже русскую школу или хотя бы ее директора Николая Лунева. Не знаете его?

– О Луневе слышала. А вот школа, кажется, закрылась. У нас уже года два не учатся ее выпускники.

– Но, может быть, у вас найдется его домашний адрес или телефон? Он ведь, кажется, руководит здешней русской общиной. Извините, как вас зовут...?

– Мария. Я не знаю русскую общину. Я – уйгурка. Я только преподаю здесь. Как здорово, что можно поговорить с русским из России! Вы не преподаватель?

– Нет, журналист. В командировке. Ищу здесь русских и совсем не знаю ни китайского, ни уйгурского.

– Хорошо, я помогу вам. Запишите мой телефон, позвоните сегодня вечером. Я отыщу Лунева. Извините, у меня сейчас урок. Вы бы зашли еще к нам завтра или послезавтра. У нас очень редко бывают русские из России. А что вы здесь хотите найти...?

* * *

В самом деле, что я хотел найти, пустившись в абсолютную авантюру, за тридевять земель от родного города? Об этом я вновь и вновь спрашивал сам себя, устраиваясь в гостиницу, отмокая под душем, прогуливаясь по ночной Кульдже, отдыхающей от дневной жары.

Я боялся есть незнакомую пищу в ночных ресторанчиках, возникающих после заката под открытым небом прямо на тротуарах. Пища была острой, резкой, непонятной. Я не мог общаться с продавцами, которые по-своему расспрашивали, какой товар мне нужен. Их языки мне были неизвестны. Я знал в этом городе единственного русского, да и то из-за его интервью, найденном мною в одном из интернет-изданий. На что я мог рассчитывать?

Пожалуй, только на помощь Господа Бога, да на странную цепь мистических совпадений. Мистика была даже в дне моего появления в Китае. Ведь сегодняшний день, когда я пересекал казахско-китайскую границу, когда проезжал мимо города Шуйдина, где погиб атаман Дутов, был днем особенным. Сегодня было шестое августа, день рождения последнего атамана оренбургского казачьего войска. С начала мая я готовил это путешествие, а приехал в Китай только в августе, в тот самый день, когда родился Александр Ильич.

Пора было признаться самому себе, что главной моей целью с недавних пор стало желание реабилитировать Дутова, русского патриота, военного инженера, потомственного казака, прошедшего путь от юнкера до войскового атамана. Повоевавшего и с японцами, и с немцами.

И изо всех сил сопротивлявшегося стремлению революционных «беспредельщиков» развязать в спокойном и благополучном Оренбуржье гражданскую войну.

Красные пушки били и по Кремлю, и по дворцам в Петрограде, в Ярославле уничтожили все церкви на набережной. А Оренбург за годы гражданской войны так и не был разрушен. Дутов вывел свой казачий полк, когда получил от Блюхера с Кобозевым ультиматум, предупреждавший о возможном уничтожении города дальнобойной артиллерией красного бронепоезда. И город был спасён.

Да, Дутов воевал на фронтах гражданской войны. Но, – как солдат и офицер, не нарушивший присяги. За что же его всё советское время нам преподносили, как кровавого злодея? За то, что отбивал атаки пришлых челябинских и екатеринбургских рабочих, балтийских матросов, самарских комиссаров? Что все они потеряли в наших оренбургских степях, где никому и в голову не приходила мысль бунтовать против веры, царя и отечества?

Мысль о реабилитации атамана возникла сама собой несколько лет назад, когда я увидел учебник по истории нашего края в руках у дочки-старшеклассницы. Там ничего не изменилось с советских времен! И то сказать, – о белом терроре писал профессор, двадцать лет назад преподававший мне ту же самую историю. Все у него было просто: красные – хорошие, белые – плохие. Комиссар Цвиллинг – герой и мученик, атаман Дутов – белоказачий бандит. Составители школьных программ так и не удосужились хотя бы просто просмотреть архивные документы, которые могли бы дать характеристику людям, руководившим нашей Оренбургской губернией в переломном 1917—18 году, когда власть переходила из рук в руки.

Подготовленная мною статья оказалась для газеты слишком большой по объёму. Редактор предложил разбить ее на несколько частей в зависимости от дат.

Вот, к примеру, 14 ноября по старому стилю. В этот день в 1917 году приехавший из Петрограда комиссар Самуил Цвиллинг собрал ревком и заявил о взятии в свои руки управления губернией. Ревком работал до ночи, выпуская приказы, рассылая в воинские части агитаторов, пока власти, наконец, не поняли, что самозванцев пора останавливать. Ревкомовцы были арестованы, и до прихода красных в январе 1918 года губернией руководил атаман казачьего войска Александр Дутов.

18 января власть на два месяца перешла в руки Цвиллинга. Пока 2 апреля губернский комиссар вместе со своим карательным отрядом не погиб в станице Изобильной. После чего в казачьем крае фактически началась Гражданская война.

Так в ноябрьском номере газеты «Оренбуржье» Цвиллинг и Дутов впервые вышли один на один, имея в качестве оружия только свои биографии.

Век XX-ый. Борьба противоположностей *Ноябрь 1917 года, Оренбургская губерния, Россия*

Профессиональный экспроприатор **Самуил Цвиллинг**

Цвиллинги никогда не сидели на месте. Через год после рождения Самуила его мать Сима, прихватив пятерых детей, сбежала от пьяницы-мужа из Тобольска в Омск, к родственникам. Уже взрослый брат Самуила Григорий забрал его к себе в Иркутск. Использовал паренька в расклейке прокламаций (какой спрос с малолетки?). Григория посадили. Самуил, попутешествовав, вернулся к маме и вместе с другим своим братом-погодкой Борисом провел первую экспроприацию в омском театре. Парни прошлись по рядам с убедительной просьбой к богатой публике внести «добровольные пожертвования» для социал-демократов. При себе имели сборный лист. Взамен денег выдавали революционные прокламации. Этим омский полицмейстер объяснил причину высылки братьев в Томск, где Муля устроился помощником у адвоката Бейлина.

Не соглашусь с историками, считающими оренбургского комиссара Самуила Моисеевича Цвиллинга героем и жертвой революции. Изучив его биографию, я не увидел в ней ни подвига, ни жертвенности. Самуил был великолепным трибуном, но, судя по результатам боевых действий, не умел воевать. Не имел и рабоче-крестьянского происхождения. А все его образование ограничивалось хедером, начальной еврейской школой.

Свидетельств об окончании омской гимназии, куда он, в принципе, поступил, мне обнаружить не удалось. Да и как бы мальчик смог ее окончить, если вместо учебы путешествовал по Сибири? К тому же постоянно не ладил с законом. Дважды побывал за решеткой: выпускали по малолетству. А после совершеннолетия получил солидный срок за вооруженное разбойное нападение, – с братом Борей взяли на гоп-стоп богатую томскую аптеку Ковнацкого. Тут-то и пригодилась служба Мули у адвоката. Первоначальный приговор братьям был крайне суров: смертная казнь через повешение (может, при нападении аптекаря застрелили?). От «вышки» спасло активное вмешательство матери, вместе с адвокатом Бейлиным разжалобившей суд. Семнадцатилетний Боря получил десять лет каторги, шестнадцатилетний Муля – пять лет тюрьмы.

Освободившись, Самуил осел в Тобольске, работал клерком. Женился, родился сын. Казалось бы, живи и радуйся. Но в начале 1915-го года, после снятия еврейской черты оседлости, Цвиллинги уезжают в Екатеринбург, оттуда – в Троицк, затем – в Сатку. Возможно, так Самуил спасался от призыва в армию – шла война. Но в конце 1916-го его все-таки призвали в 109-й запасный полк, расквартированный в Челябинске.

Симулируя простуду в челябинском лазарете, чтоб не быть отправленным на фронт, он встретил февральскую революцию и тут же возглавил штурм уголовной тюрьмы. Баллотировался в депутаты, сумел пробиться в руководство. Став председателем челябинского горсовета, Цвиллинг развил бурную деятельность и уже в сентябре был командирован из вечно недовольного уездного Челябинска в благополучный губернский Оренбург, чтобы взять оренбургский горсовет под большевистский контроль.

В октябре 1917-го из Оренбурга Цвиллинг выехал в Петроград на Второй съезд Советов. А там – вооруженное восстание. Из рук Льва Бронштейна (Троцкого) 26-летний Самуил Цвиллинг получает мандат правительственного комиссара Оренбургской губернии. Вот она, долгожданная возможность взять власть!

И 14 ноября 1917 года на заседании оренбургского совета Цвиллинг провозгласил Военно-революционный комитет под своим руководством. Был издан приказ №1 о переходе власти в городе в его руки и назначении комиссаров в воинские части. «Откосивший» от фронта младший унтер-офицер Цвиллинг потребовал безоговорочного подчинения от атамана Оренбургского казачьего войска, фронтовика, полковника Дутова.

Александр Дутов: две войны, четыре образования

В ноябре 1917-го Александру Ильичу Дутову было 38 лет. К тому времени он уже прошел две войны: японскую и германскую, получил ранение. Командовал Оренбургским казачьим полком. В марте 1917-го был направлен от полка в Петроград на съезд казачества, где был избран председателем Временного совета Союза казачьих войск России. Присягнул на верность Временному правительству.

Кадровый офицер в нескольких поколениях, Дутов был сыном генерал-майора и внуком войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Имел блестящее образование и солидный фронтовой опыт, приобретенный в двух войнах.

Дутов окончил Неплюевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. После чего служил в первом Оренбургском казачьем полку в Харькове, где заведовал конносаперной командой, выполняя при этом обязанности полкового библиотекаря и члена офицерского общества заемного капитала. Будущий атаман окончил так же саперную офицерскую школу, прослушал в Технологическом институте курс лекций по электротехнике и изучил телеграфное дело таким образом, что мог работать телеграфистом. Продолжая служить в Харькове, Дутов экстерном сдал экзамены за весь курс Николаевского инженерного училища. В 1904 году стал слушателем Академии Генерального штаба. Но окончил ее уже по возвращении с русско-японской войны.

В Оренбург из Харькова Александр Дутов перевелся в 1908 году. До первой мировой был преподавателем и инспектором того казачьего училища, которое когда-то закончил сам. Считался образцом дисциплины, никогда не опаздывая и не уходя раньше времени. Юнкера любили его за интересные лекции и справедливое отношение ко всем без исключения.

В 1916 году Дутов добился своего назначения на Юго-Западный фронт. Сформированный им стрелковый дивизион отличился в боях у Прута. Возле деревни Паничи в Румынии Александр Ильич был контужен. Но уже через два месяца вновь командовал первым Оренбургским казачьим полком.

В конце августа 1917 года Дутов поддержал Корнилова, защищал штаб Деникина. После подавления корниловского выступления вместе с полком ушел в Оренбургское войско, где 1 октября на Чрезвычайном войсковом круге был избран председателем войскового правительства и войсковым атаманом. 8 октября выехал в Петроград, чтобы передать свои полномочия главы Союза казачьих войск. Там на специальном совещании Временного правительства был избран в комиссию по обороне республики, утвержден в звании полковника и назначен главноуполномоченным по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области с правами министра.

В Оренбург Дутов вернулся 26 октября 1917 года и, получив по телеграфу известие о государственном перевороте, на следующий день издал приказ по войску: *«В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть, таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое правительство впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи с 20 часов 26-го сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в войске»*.

В губернии было объявлено военное положение, а Дутов все еще оставался демократом. Он настоял на создании **комитета спасения Родины и революции**, в который вошли

представители всех партий за исключением большевиков и кадетов. 8 ноября Комитет назначил Дутова начальником вооруженных сил края, официально подтвердив его реальную власть. Но 14 ноября председатель большевистского **военно-революционного комитета** младший унтер-офицер Самуил Цвиллинг потребовал у военного руководителя губернии полковника Дутова фактической сдачи своих полномочий.

Разумеется, военное руководство области не могло позволить кому-нибудь просто так захватить власть. После многочасовой работы военно-революционного комитета по приказу Дутова Самуил Цвиллинг и еще три десятка большевиков были арестованы прямо в здании караван-сарая, где проходило заседание. Одних направили в СИЗО, других – под домашний арест в казачьи станицы. Цвиллинг с большевиком Корниловым одиннадцать дней провел в станице Павловской. После чего обоих доставили в следственный изолятор в камеру к их товарищам, откуда они впоследствии сбежали.

* * *

В шахматной партии за власть в Оренбуржье ход перешел к Цвиллингу. И он сделает его через два месяца, ворвавшись в Оренбург на красном бронепоезде, чтобы сеять страх, наводить железный революционный порядок, подавлять выступления против советской власти, которой в губернии пока еще и не было. Дееспособные казачьи сотни воевали на далеком германском фронте, дележ власти шел в соседних регионах. Ни захвата заложников, ни расстрелов, ни сабельных рубок... Шел ноябрь 1917 года.

Век XXI-ый. В гости – на погосте *Август 2007 года, Кульджа, КНР*

Дозвониться до Марии, обещавшей мне найти координаты директора кульджинской русской школы Николая Лунева, я попытался в тот же вечер. Ни её домашний, ни мобильный не были доступны. Гостиничный телефон просто сбрасывал их.

Пришлось добираться до центрального офиса, который располагался в другом корпусе, и долго объяснять портье, что мне нужно от телефона. Но китайка лишь заученно улыбалась в ответ. А пообщаться со мной по-русски было уже некому. В конце концов, старшая дежурная сообразила, что в моем номере что-то не то с телефоном. И дала какой-то местный код. Может, коммутатор? Обрадовавшись, я вернулся, набрал код, и телефон отрубился вообще. Ни звука! Все попытки реанимировать китайский аппарат были безуспешны. Но главное, – с меня могли ещё и вычесть за поломку из залога. И выяснять отношения с гостиничными службами не очень-то хотелось.

Утренним будильником для всех постояльцев оказался мощный пылесос, которым приводились в порядок коридорные ковры, ну, и одновременно давался сигнал идти трудиться.

Вооружившись разговорником, я попытался объяснить горничной, что неплохо бы здесь раздобыть уют. И тут мой китайский, наконец, был понят! Обслуживающий персонал с уважением отнёсся к иностранцу, самостоятельно глядящему свои рубашки. На то и был расчет. Мне соорудили в номере рабочее место и даже попытались помочь. Но уют отобрать не сумели. Да и зачем, собственно, помогать гладиться, вот лучше бы телефон наладили, а то ведь уже сутки не работает...

Горничная подула в безжизненную трубку и кинулась по коридору за мастером. Тот прихватил другой аппарат и предложил мне сделать контрольный звонок.

Мобильный Марии ответил сразу. Она опять приглашала в гости и диктовала телефон Николая Лунёва. Неужели я всё-таки найду этого человека?

Познакомиться с Николаем мне захотелось после того как из одной интернетной публикации я узнал, что в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая есть город Кульджа, а в нём – русская школа, где преподавание до сих пор ведётся на родном языке. Единственная школа в миллиардном Китае! А её сорокалетний директор Николай Лунев, кроме того, по русской квоте является депутатом Всенародного китайского собрания. Разве может он не помочь соотечественнику! Я был счастлив, заполучив его телефонный номер.

– Николай Иванович?

– Да, слушаю Вас.

– Я журналист из России, из города Оренбурга. Много слышал о здешней русской школе, о потомках оренбургских казаков, ушедших вместе с атаманом Дутовым. И очень хотел бы встретиться с Вами... Можно прямо сейчас?

– Пожалуйста, – спокойно произнёс Лунёв. – Приезжайте к нам на русское кладбище.

– Куда?!..

– На русское кладбище, – голос Лунёва в трубке нисколько не изменился, вероятно, потусторонний мир для него сейчас представлял собою лишь сугубо географическое понятие. – Скажете таксисту – Ли Гуан Жи. Тут мы и живем.

Удивительно, но факт: маленькая русская диаспора Кульджи прочно ассоциировалась у местных жителей со скромным русским кладбищем. Даже район, ближайших к нему жилых домов, до сих пор так и называется. А непосвященный человек само кладбище, пожалуй, и не найдет.

Это самая обыкновенная городская улица в центре Кульджи, застроенная частными домами. В их ряду ничем не выделяются ворота, кстати, очень похожие своей полукруглой

каменной кладкой на десятки таких же в старом центре Оренбурга. Над воротами – небольшой православный крест. За воротами – маленький дворик, кругом строения. Где же кладбище? Да вот оно. Вместо заднего двора, за высоким каменным забором спряталось поле с бугорками могил и редкими памятниками.

В домах, задний двор которых является местом упокоения русских в Кульдже, как оказалось, живут несколько семей. Все они, так или иначе, между собой родственники. И по фамилии: либо – Луневы, либо – Зозулины.

Обо всем этом я узнал от Николая Лунева в его скромной, но уютной гостиной. Обстановка в доме на первый взгляд показалась мне слишком уж небогатой. Беленые стены с фотографиями в деревянных рамках были похожи на сельские дома в оренбургской глубинке. Однако тут же, прямо на старомодном комодке располагалась широченная, на полстены, панель современного телевизора с DVD. Такие не каждому оренбуржцу по карману. А изобилие каналов, в том числе и российских, неназойливо напоминало о недешевой спутниковой антенне на крыше. Не менее «продвинутым» был и компьютер с выделенным выходом в интернет. Так что, скорее всего, хозяева дома специально оставили убранство своего жилья времен первых переселенцев из России, чтобы сохранить родные традиции и язык. Говорили все члены семьи на прекрасном литературном русском, не замусоренном современными терминами.

И супруга Николая Лидия, и их дети – Люда, Вика и маленький Олег – с интересом общались с гостем, расспрашивая меня о жизни в России и в Оренбуржье. Они совершенно не походили на своих предков – сибирских кержаков-старообрядцев, которые и за руку-то друг с другом не здоровались.

– У нас уже все русские обычаи перемешались, – с легкой улыбкой признавался Николай. – Мы христиане, но не православные и не староверы, молимся по-своему. Однако же мы соблюдаем церковный календарь русской православной церкви. И всегда поддерживаем прихожан храма Николая Чудотворца, который был недавно выстроен на нашем кладбище. Ведь мы же – русские. Надо помогать друг другу. Впрочем, я, кажется, знаю, что вас интересует. Вероятно, могила атамана Дутова и судьба иконы Табынской Божьей Матери?

И выждал небольшую паузу, любуясь произведенным эффектом.

Эффект был действительно велик. Откуда он мог знать настоящую цель моего приезда, о которой я пока ещё здесь никому не рассказал? Но ларчик отрывался просто.

– Мы ещё в прошлом году вышли на московский офис вашего оренбургского атамана Владимира Глуховского, – пояснил Лунёв. – И сами предложили ему отыскать место захоронения Александра Дутова. Мы тогда перезахоронили сюда, на русское кладбище останки казаков из одного поселка неподалёку от Кульджи. Там на кладбище должны были начать строительство. И о потерянном русском кладбище в Шуйдине у нас появились кое-какие сведения. Глуховский приказал нам никому ничего о могиле Дутова не сообщать, искать место и документы самостоятельно, пока от него кто-нибудь не приедет. Вы же от него?

Мне стало стыдно. Не за себя, а за московского атамана Оренбургского войскового казачьего общества. Целый год он скрывал информацию о возможном месте захоронения атамана Дутова. И ничего не предпринимал!

Владимир Ильич Глуховский хоть и был избран атаманом Оренбургского войскового казачьего общества, однако к Оренбургской области и нашему казачеству прямого отношения не имел. Уроженец Кубани, он начал заниматься организационной работой по казачеству только в начале 1993 года, выйдя на пенсию из московских военных штабов и получив место в министерстве по делам национальностей нового российского правительства первой волны демократии. А в оренбургское войсковое казачье общество был избран в момент, когда оренбуржцы не могли поделить атаманскую должность с челябинцами. В нынешней Челябинской области исторически располагалась немалая часть оренбургского казачьего войска. И челябинский отдел теперь ставится вровень с оренбургским по числу голосов на казачьем круге. Вот

и возникают между представителями двух наших областей время от времени споры, разрешить которые порой под силу только заезжим варягам. Не знаю, к кому был больше расположен Владимир Ильич, к челябинцам или оренбуржцам. Но Николай Лунёв вспомнил, что нынешней весной от Глуховского позвонил кто-то из Челябинска. Интересовался, нашли кульджинцы атамана или нет? Оренбуржцев в Кульдже пока ещё никто не видел. Что ж, значит, буду первым.

– Я приехал не от Глуховского. Точнее сказать, не только от него. Меня командировала наша областная газета «Оренбуржье» из самого Оренбурга. Глуховский работает в Москве, он координирует оренбургское казачество сразу в пяти регионах России. Но ведь центр оренбургского казачества, его история, его корни, его потомки, в конце концов, находятся у нас. Правильно? И Дутов целиком и полностью связан с Оренбургом. Как его могут оценивать челябинцы, если именно из Челябинска на Оренбург шли эшелоны вооруженных рабочих, чтобы уничтожить наших казаков? И комиссар Цвиллинг прибыл к нам из Челябинска. А братья Каширины в Верхнеуральской станице, неподалёку от Челябинска, подняли казачий мятеж против Дутова. И в восемнадцатом году выбили его полк в Тургайские степи...

Николай смотрел на меня широко раскрытыми глазами, не успевая переварить сваливающуюся на него информацию. В его глазах было видно легкое недоверие к непонятному собеседнику. Хорошо. Я разложил на столе газеты с публикациями по истории нашего края. Вот они все: Дутов, Цвиллинг, Кобозев, Коростелев. Все – фигуры неоднозначные. Каждый из них побывал у нас во власти. Кто-то вооруженный законом, кто-то – революционной необходимостью. И только у одного, у Кобозева, после смерти оказалась нормальная человеческая могила. Где похоронены Цвиллинг, Коростелев и Дутов неизвестно до сих пор. Но если можно отыскать место упокоения Александра Дутова, то какая, по сути, разница, кто его найдет?!

– Мы отыскали потомков нашего атамана, – я показал опубликованное в газете фото правнучки Дутова в музее оренбургского казачества станицы Славянской. – Она-то и попросила разузнать что-нибудь о могиле прадеда.

Но тут жена Николая Лидия ненадолго прервала наш разговор, вместе с дочкой накрывая на стол. В самом деле, разве это по-русски, гостя не угостить? Николай располосовал громадный спелый арбуз и стал расспрашивать об Оренбурге, где ещё ни разу не был. Рассказал о своей школе, о большой семье, где был младшим ребенком. О том, как отец запрещал ему в годы китайской «культурной революции» учиться вместе с китайцами, предпочитая домашнее обучение. И таким образом привил любовь к русскому языку и нашей литературе. О том, как впоследствии он приобрел профессию учителя в Илийском педагогическом университете, но уже на китайском отделении. И там изучал язык своей страны. О том, как разъехались братья и сестры. А он с семьей оказался хранителем и дома, и русского кладбища.

– Вам поможет Александр Зозулин и его приятель Лян Ган, – вдруг сказал Николай. – Александр мой друг, сосед и родственник. Живет в соседнем доме. Он вместе с Лян Ганом уже собирал данные, ездил в Шуйдин, говорил со стариками. Александр сейчас наверняка в своей лавке. Музыкальной. Мы туда непременно ходим, вот только угостимся, чем Бог послал... Я вижу, вы всерьез занимались историей своего края. Можете мне сказать, почему же атаман Дутов проиграл красным? И из родного города ушёл, и из России-матушки?

Вопрос был не из легких. В самом деле, почему крупный военачальник не пошёл на поводу у своих амбиций, не принял неравный бой, не разрушить свой город? Оправдана такая человечность в большой борьбе за власть? Впрочем, на эти вопросы я уже однажды пытался дать ответ в своих статьях, которые сейчас лежали на коленях у Николая.

Век XX-ый. Красный бронепоезд *Январь 1918 года, Оренбургская губерния, Россия*

Советы в СИЗО и на воле

18 января 1918 года (по старому стилю) после ультиматума красных применить против города артиллерию Первый казачий полк атамана Александра Дутова без боя вышел из Оренбурга маршем на Верхнеуральск. Город остался в руках 27-летнего комиссара Самуила Цвиллинга и его 30-летнего заместителя Александра Коростелева.

За два месяца до того Цвиллинг уже пытался взять в Оренбурге власть. В ноябре он объявил о создании в губернском центре военно-революционного комитета (ВРК) и потребовал безоговорочного подчинения от атамана Оренбургского казачьего войска полковника Дутова.

Разумеется, военное руководство области не могло позволить этого каким-то самозванцам. После дня заседания Военно-революционного комитета по приказу Дутова Самуил Цвиллинг и еще три десятка большевиков были арестованы. Одних направили в КПЗ, других – под домашний арест в казачьи станицы. Цвиллинг с большевиком Корниловым десять дней провел в станице Павловской. После чего оба были доставлены в следственный изолятор в камеру к остальным товарищам.

Ну, а в СИЗО «комиссар Муля», уже отмотавший в своей недолгой жизни пятилетний тюремный срок за вооруженный грабеж, был в своей стихии! Вместе с уроженцем Самары рабочим железнодорожных мастерских Александром Коростелевым, успевшим на волне демократии 17-го года побывать председателем Оренбургского горсовета, Цвиллинг за три недели подготовил и провел массовый побег всех членов ВРК, заключенных под стражу. Судя по тому, как свободно они вели себя в камере, как запросто им передавали с воли продукты и записки, как легко им удалось обхитрить охранников, рискну предположить, что военные власти попросту закрыли глаза на готовящийся побег. В конце концов, Дутову было выгодно, чтоб Цвиллинг с Коростелевым увели возмутителей спокойствия из белого Оренбурга в красный Бузулук к чрезвычайному комиссару «Степного края» Петру Кобозеву.

Наш паровоз вперед лети!

Петр Алексеевич Кобозев был старше своих товарищей: на девять лет – Коростелева, на тринадцать – Цвиллинга. Даже Дутов был моложе его на год. В 1917-м самому многоопытному из всех деливших власть в Оренбургской губернии Петру Кобозеву было аж 39 лет!

Петр Алексеевич был родом из семьи железнодорожника Рязанской губернии. Учился сначала в епархиальном училище. Затем, после исключения из него, – в Московском техническом училище. После исключения из него, – в Рижском политехническом институте. Служил инженером-технологом на железной дороге в Латвийском крае. Руководил Рижским комитетом РСДРП (б). И в 1915 году, когда немецкие войска рвались на Петроград, был сослан из прифронтной Прибалтики в Оренбург.

В Оренбурге грамотные люди ценились. Кобозев работал по специальности. Кроме того, входил в комиссию по строительству барачных для беженцев. Награждался за аккуратное, особенно – по финансовой части, ведение дел. Несмотря на большую семью, не бедствовал, даже отсылал деньги в помощь нуждающимся. И при этом оставался большевиком.

После Февральской революции Петр Алексеевич был избран комиссаром Ташкентской железной дороги, где, собственно, и работал. То есть фактически – начальником дороги. С мая 1917-го перебрался в Петроград, где занимал должность члена городской управы и главного

инспектора Министерства путей сообщения во Временном Правительстве. Принял участие в Октябрьском вооруженном восстании. Получил вслед за Цвиллингом мандат на управление не только Оренбургской губернией, но и всем «Степным краем», читай – от Каспия до Западной Сибири. Мандат мудро подписал и у Ленина-Ульянова, и у Троцкого-Бронштейна (на всякий случай). После чего попросил у Льва Давидовича денег для организации работы на подведомственной территории. Тот достал из ящика письменного стола что-то около десяти рублей, чего не хватило бы даже на обратный билет. И в Оренбург новоявленный комиссар поехал по своему служебному железнодорожному удостоверению.

15 ноября 1917 года, в момент попытки Цвиллинга захватить власть в Оренбурге, опытный Кобозев пережил события в Бузулукском отделении железной дороги, в своем рабочем кабинете. Похоже, арест единомышленников не застал его врасплох: в течение месяца, пока они сидели в общей камере, Кобозев аккуратно готовил к предстоящим боевым действиям самодельный бронепоезд, обшивая пассажирские вагоны стальными листами.

Вырвавшиеся на свободу Цвиллинг и Коростелев обрадовались и бронепоезду, и собранным Кобозевым отрядам красногвардейцев, которые по указанию Ленина прибыли из центральной России на борьбу с казачеством. И потребовали немедленно штурмовать Оренбург. Но воевать ни тот, ни другой не умели. А потому, как ни поливали огнем пушек ближайšie к железной дороге казачьи станицы, но от Каргалы бежали обратно в Бузулук.

Кобозев успокоил своих молодых коллег-революционеров, предложил накопить силы и делегировал Цвиллинга в Челябинск провести мобилизацию уральских рабочих и встретить «Летучий отряд» моряков Балтики. Этот отряд на настоящем, а не самодельном бронепоезде под руководством 20-летнего мичмана Сергея Павлова уже проутюжил и Челябинск, и Троицк, установив там советскую власть.

Бронебойным, пли!

Вот с этой задачей Цвиллинг справился блестяще. Не только собрал в Екатеринбурге и Челябинске около трех тысяч солдат и ополченцев, но и организовал митинг на челябинском вокзале. Взял с митингующих по рублю и привез в Бузулук помимо солдат, матросов, винтовок, пулеметов еще и две с половиной тысячи рублей на революцию.

Тем временем из Самары подтянулись отряды Василия Блюхера. Теперь вся эта армия из более чем восьми тысяч штыков с дальнобойными орудиями мичмана Павлова уже могла атаковать и Оренбург.

У Дутова было всего три тысячи сабель. Все боеспособное казачье население находилось на германском фронте: немцы наступали на Петроград. В Оренбурге оставался Первый казачий полк, 16-летние юнкера и отряды прибывших в город станичников, вооруженных охотничьими ружьями. И практически не было огнестрельного оружия.

Бронепоезд на своем пути не щадил никого. По свидетельству красного комиссара Машина, прошедшего на нём вместе с Блюхером, Павловым и Кобозевым: *«Ненависть станичников к железной дороге была такова, что они не только разбирали рельсы и шпалы, но и иногда разрывали насыпь»*. Но железнодорожники чинили путь, и эшелоны двигались вперед. При этом Цвиллинг из руководителей сместился на ступень ниже, оказавшись рядовым комиссаром небольшого подразделения. Ну, не умел он воевать!

Быть может, потому что гражданская война у нас ещё практически пока не началась, обе стороны вели себя по-джентльменски. От станции Переволоцкой Кобозев послал Дутову ультиматум с требованием оставить город, дабы не разрушать его.

Атаман, как видно, тоже не хотел крови. Он понимал, что красной армии нужна железная дорога в Среднюю Азию. К тому же, оренбургские рабочие открыто симпатизировали больше-

викам, а купечество так и не помогло казакам деньгами для закупки вооружения и боеприпасов.

Последней каплей для Дутова стало предательство со стороны оренбургских мусульман, с которыми у него всегда были хорошие, взаимно уважительные отношения. За день до подхода красных, 17 января 1918 года, оружейные склады были захвачены мусульманами города, которые надеялись на создание при новой власти своей национальной автономии. Не видя поддержки у населения, Дутов вывел из Оренбурга казачий полк маршем на Верхнеуральск. Ополченцы вернулись в станицы. После короткого боя с юнкерами и форштадскими казаками город был взят.

* * *

Кобозев не остался в Оренбурге, он стремился в Среднюю Азию. По заданию Ленина с чемоданом денег он должен был доехать через Ташкент, Ашхабад и Каспий до Баку, чтобы национализировать нефтепромыслы и обеспечить доставку нефти из Баку в Самару. Сначала – морем до Туркестана, затем – по железной дороге через Ташкент и Оренбург.

С 18 января 1918 года наш город перешел под управление Самуила Цвиллинга и Александра Коростелева. Навыки профессионального экспроприатора ещё пригодятся Цвиллингу для сбора контрибуции, захвата заложников и расстрела своих политических оппонентов.

Впрочем, с этого момента в губернии практически наступило безвластие: каждая станица жила по своим законам, не подчиняясь никому. Так будет ещё два с половиной месяца, вплоть до апреля 1918-го, до гибели Цвиллинга и бессмысленного казачьего налета на Оренбург. До начала полномасштабной гражданской войны.

Век XXI-ый. Хлеб, песня и боевое крещение *Август 2007 года, Кульджа, КНР*

* * *

Ярко светило китайское солнце. Идущие навстречу мне прохожие – китайцы, уйгуры и дунгане – приветливо улыбались первому встречному иностранцу. Я шел по Кульдже и не узнавал этот город, который всего за какие-то пару часов после знакомства с соотечественниками стал для меня таким красивым, светлым и очень доброжелательным.

Мы шли по самому центру с Александром Зозулиным, направляясь к его «музыкальной лавке». Поначалу я не понял значение этого термина, такого ясного для русских кульджинцев. Затем сообразил, что под словом «лавка», оказывается, подразумевалась мастерская музыкальных инструментов, где русский мастер-самоучка Александр Зозулин умудрялся чинить практически все, из чего извлекался звук, кроме только что роялей: они бы сюда просто не поместились.

Отчасти Кульджа напоминала Оренбург. Но только отчасти. Этот современный полумиллионный центр Или-Казахской автономной области расположен в долине реки Или, которая в несколько раз полноводней нашего Урала у Оренбурга. А потоки воды из горных рек, впадающих в Или, текут прямо по бетонным трубам между мостовой и тротуаром на основных городских проспектах. Только их почти незаметно: сверху над потоками уложены бетонные плиты, которые время от времени заменяются решетками для сточных вод. И хозяйки маленьких лавчонок, отодвинув такую решетку, окунают швабру с тряпкой прямо в трубу и по несколько раз в сутки моют асфальт перед своим заведением.

Кульджа – город, как мне показалось, слишком уж чистый для привычного русского глаза, многоэтажный, с широкими просторными дорогами, настолько ровными, что можно и на роликах кататься. Быть может, дороги сохраняются потому, что по ним совершенно не ездит тяжелый транспорт (в лучшем случае пикапы и мини-грузовички). Зато кругом рассекает великое множество велосипедов, скутеров и мотоциклов! У нас эта мелюзга давно и неминуемо попала бы под колеса легковушек. Здесь же – удивительное дело! – и джипы, и лимузины, весело сигналя, аккуратно объезжали не только велосипедистов, но и пешеходов, зазевавшихся в неполюженном для перехода месте.

И вообще, как оказалось, частных легковых машин в этом городе немного. Ну, нет у местных такого великого стремления, как у нас, во что бы то ни стало приобрести свой собственный автомобиль. Да и зачем он нужен, если кругом полно такси, которые по счетчику отвезут в любой конец города за 5—7 юаней (что-то около наших двадцати рублей)? А велорикша будет счастлив доставить вас до дома всего за один юань (три рубля). Автобусы здесь ходят редко, а «маршруток» и вовсе нет.

Так что дороги в Кульдже еще долго будут оставаться ровными и неразбитыми, а все первые этажи зданий занятыми частными предпринимателями. Лично мне, например, было совершенно непонятно, как в одном ряду на первом этаже типовой пятиэтажки, располагаясь друг за другом, могут запросто уживаться: столовая на пять столов, игровой компьютерный салон, продовольственный и хозяйственный магазины, рекламное агентство, мастерская по пошиву обуви и так далее, и тому подобное. И каждый закуток для частника составлял помещение скромного оренбургского гаража – четыре на шесть метров. При этом все умещались, все были довольны.

Вот в таких-то минималистских комнатках, расположенных через стенку друг от друга, и разместились два частных предприятия Александра Зозулина: мастерская, до упора забитая

всевозможными музыкальными инструментами, и русская пекарня. В ней в старинной русской печке выпекался настоящий белый хлеб (только в одном этом месте изо всей Кульджи!) и деликатесы – пироги с начинкой из кураги.

С Александром Зозулиным меня познакомил Николай Лунев, заведя в соседний дом своего двора на русском кладбище. Александр был постарше нас с Николаем. И, насколько я понял, именно он, в основном, ухаживал за русскими могилами. По крайней мере, мог провести небольшую экскурсию по кладбищу, в ходе которой неожиданно выяснилось, что кое-какие памятники сделаны им самим. Александр не был ни чиновником, ни бюджетником, а, скорее, – мелким частным предпринимателем. Управлялся с музыкальной мастерской и пекарней, что давало ему возможность содержать жену и четверых детей.

Впрочем, бизнес можно было бы назвать почти семейным. И в пекарне, и в хлебном магазинчике работали родственницы Зозулиных и Луневых. Александр при этом решал все административные вопросы, а, кроме того, чинил аккордеоны и домбры. И еще мастерски играл на баяне и гармонии, за что частенько приглашался на разные китайские и уйгурские праздники. Жители Кульджи, похоже, были уверены, что лучше, чем русские, никто праздники не проводит.

Это я впоследствии ощутил на себе. Стоило только познакомиться с кем-то из местных, и каждый раз новые знакомые, независимо от своей национальной принадлежности, первым делом спрашивали меня:

– Вы русский? Из России? А на каком инструменте играете?

И, поди, убеди их, что не все русские – гармонисты!

* * *

Я с интересом оглядывал мастерскую, напрочь забитую грудями баянов, гармоник и свисающими с потолка домрами.

– А что, выгодно здесь быть предпринимателем?

Александр с философским спокойствием пожал плечами.

– Если за большой прибылью не гнаться, то на жизнь заработать можно. В Китае у властей хорошее отношение к тем, кто не нарушает законы. И законы – разумные. Предприниматели, к примеру, первый год не платят налоги. А молодым разрешают не платить и три года. Можно оформить такие же льготы по квоте для национальных меньшинств. Мы, русские, как раз под нее попадаем. Некоторые здесь умудряются так оформить документы, что по пять лет налоги не платят.

– Погоди-ка, – я не мог понять логики местной налоговой системы. – Так ведь через пять лет можно оформить банкротство своей фирмы и на том же месте другую организовать. И заниматься тем же самым, и опять налоги не платить?

– Кто-то делает и так, – спокойно подтвердил мой собеседник.

– Как же власти это допускают? Им что, налоги не нужны? А с чего тогда здесь бесплатная медицина, образование? С каких, интересно, доходов местные власти строят в Кульдже такие шикарные дороги, культурные и спортивные центры?

– Так ведь наш Синьцзян – нефтяной, – удивился моему недопониманию ситуации Александр. – За горами – вышки, там идет добыча. Все нефтяные компании государственные. Оттуда и доходы – в Пекин. И нам что-то достается, грех жаловаться.

Вот оно что! Мне вспомнились нефтяные вышки, живописно раскинутые прямо на хлебных полях нашего родного Оренбуржья. Интересно, куда утекают доходы нефтяников из «ТНК-ВР»? В московский офис тюменской компании? Или напрямую – в лондонский «Бри-тиш Петролеум»?

– И к тому же подумайте сами, – неторопливо продолжал Александр. – Частный предприниматель не станет требовать у государства ни больничных листов, ни социальных посо-

бий. Он сам себе зарабатывает на жизнь. Кормит семью, детей растит. Пусть немного зарабатывает, но ведь сам! Зачем же государство будет давить его налогами? Это же невыгодно.

Похоже, наши соотечественники, родившиеся и выросшие в Китае, были лучшего мнения о государстве, чем мы в России.

Показав мне мастерскую, пекарню и магазинчик, Александр, словно извиняясь, произнес:

– На сегодня у меня была запланирована встреча со школьными друзьями. Они приехали издалека, и я бы не хотел эту встречу отменять. Но они будут рады познакомиться с настоящим русским журналистом из России. Если вы не возражаете...

Да отчего же?! Мне и самому хотелось увидеть выпускников русской школы, успевших отучиться в Кульдже еще во времена советско-китайской дружбы, до бесчинств «культурной революции». Интересно, они – русские? Где живут? Чем занимаются?

– Юрий и Борис приехали из Австралии, – как о чем-то очень обыденном рассказывал Александр. – Саша Тунджа – из центрального Китая. Он в Нанкине живет, рядом с Шанхаем. Аня Содовая – из Казахстана. А Лян Ган здешний. Вот он-то мне и помогал искать могилу Дутова. Без него мы с вами мало что сумеем сделать.

– Вы все вместе учились?

– Да, в Сталинской школе. Так называлась у нас самая сильная русская школа в Кульдже.

В начале шестидесятых кульджинская русская школа имени товарища Сталина, работавшая при советском консульстве, была наиболее сильной из всех четырех русских школ в этом городе. Здесь тогда вообще было много русских. И консульство работало в полную силу. И если бы не «культурная революция», когда советских дипломатов выслали в СССР, а молодчики-хунвейбины громили национальные общины и сажали в тюрьму любого противника своей идеологии, русские бы не уехали отсюда в Канаду, Австралию и Советский Союз.

Нынешние китайские власти к национальным меньшинствам относятся бережно. И даже обещают вместо лавки и пекарни Александра выстроить на средства местного бюджета большой русский национально-культурный центр. Зозулин, рассказал, что, как может, «проталкивает» эту идею, сам присматривает подходящее место, рассчитывает, сколько кружков по интересам, залов для выступлений, магазинов и ресторанчиков национальной кухни должно там находиться. Проект, как пояснил Александр, более чем реален, ведь сам он еще ко всему прочему является и областным депутатом по квоте от национального меньшинства. Жаль, русских в Кульдже сейчас осталось мало. А вот школьные друзья время от времени приезжают навесить из самых разных стран.

Вскоре в лавку подошли два австралийца из Аделаиды, братья Юрий и Борис Полужниковы. Появился Александр Тунджа, ныне проживающий неподалеку от богатого Шанхая. Менее всего в компании друзей был замечен высокий подтянутый китаец.

– Лян Ган, – представился он по-русски. – Это имя и фамилия.

– Это вы с Александром вели поиск могилы Дутова? – мне не терпелось расспросить нового знакомого о том, ради чего я здесь находился. Но китаец был спокоен, уверен в себе и общался с окружающими с абсолютно непроницаемым лицом.

– Мы много чего знаем, – загадочно произнес Лян Ган. – Но сейчас ничего искать не будем. Друзья собрались. Надо поговорить, попеть. Ты на чем играешь? Ты же русский... Совсем ни на чем? А поешь? Нет? А слова знаешь? Вот песня есть русская – «Вологда-гда». Знаешь слова? А «Миллион алых роз»?...

– Вот это можно! – я обрадовался хоть какому-то применению своих скромных способностей. – Я и другие знаю, много разных песен, и семидесятых годов, и современные...

– Хорошо-хорошо, – прервал Лян Ган. – Сегодня только поем, в Шуйдин едем завтра.

Тем временем к компании, где звучала веселая русская речь, подошли еще двое – китаец средних лет и старик-уйгур. На каком наречии все они говорили: австралийцы, казахстанцы,

русские кульджинцы, китайцы, уйгуры, – понять было невозможно, в принципе. От этого евроазиатского эсперанто запросто сошел бы с ума какой-нибудь местный ученый-лингвист, попади он в нашу компанию.

У меня, вероятно, тоже глаза постепенно становились квадратными. И это заметил незнакомый мне гость-китаец. Улыбнувшись, он что-то попросил у Александра. Тот накинул ремень баяна и заиграл неизвестную мне восточную мелодию. Китаец явно не удовлетворился сыгранным и попросил инструмент себе. Мастерская тут же наполнилась «Подмосковными вечерами». Китаец передал баян австралийцу Борису. Тот что-то смущенно объяснял ему по-китайски, похоже, отказывался. Но, в конце концов, взял и грянул «В городском саду играет духовой оркестр».

– Ну, вот, – негромко и с явным удовольствием проговорил Лян Ган, – Давно бы так. Сейчас поедem за город, в парк, на берег Или. Там отпразднуем встречу. Уже договорились. Тебе еще надо с Володей Могилиным познакомиться. Он так на гармони играет!...

Тем временем в маленькой музыкальной мастерской по кругу шел баян. В этом кругу на нем, похоже, играли все.

* * *

В мутные, бурные, но тёплые воды реки Или входить можно было только с бетонной дамбы, аккуратно сползая вниз, на острые прибрежные камни, на которых с трудом удерживался чахлый камыш.

На купание нашу уже тёплую компанию спровоцировал Лян Ган, уверявший, что побывать в Кульдже и не искупаться в Или-реке, просто невозможно. Я попытался развить эту мысль, выдвинув тост за Или, вытекающую в Китай из Казахстана, и затекающую обратно в Казахстан, но уже со всеми китайскими стоками. Компания тост активно поддержала. Александр Зозулин спел и по-русски, и по-китайски местный хит «Или-река», что в России бы звучало приблизительно, как «Дон-батюшка» или «Волга-матушка». Однако вместо того, чтобы выбраться наружу из открытой беседки, где располагался наш достархан, однокашники вновь зазвенели рюмками. И вот тут-то Лян Ган демонстративно пошёл по направлению к дамбе, за которой слышался грозный рёв бурлящей реки. Мне оставалось лишь присоединиться.

– Костя, погоди, и я с тобой, – вылезал из беседки Борис Полужников. – Саша, Александр, ну, что сидите? Гость сейчас за границу уплывёт, кто его ловить станет!.. Юра, ты остаёшься? Володя?.. А! У тебя нога...

– У меня плавок нет, – слышался за спиной чей-то жалобный голос.

– А у нас в Австралии купаются без плавок...

– Хорошо вам там, в Австралии, а тут уйгурки поймают, ещё выпорют камчой.

– А спасательный круг будет?..

– Обойдётся...

Выбравшись на дамбу, мы с Борисом огляделись по сторонам. Прямо под нами нащупывал каменистое дно отважный и немногословный Лян Ган. Сзади от тополиных зарослей к дамбе ковыляли наши несчастные товарищи, явно не желавшие поддерживать только что введенный в их жизнь новый обычай. А по Или плыла громадная коряга, точнее – целое дерево метров на десять. И, судя по его скорости, никак не меньшей, чем у шустрого скутера, эта река действительно могла утащить любого человека прямо в казахстанское озеро Балхаш, расположенное в сотнях километров от Кульджи. Своими наблюдениями я поделился с Борисом.

– А что, – он пожал плечами. – В шестидесятых наши ребята так и уплывали в Советский Союз. Один мой друг прицепился к такому же вот бревну, и в одних трусах пересёк границу. Потом нам с целины писал. Ну, не выпускали китайцы всех, кто хотел.

– А многие хотели?

– Да... Разбегались русские. Когда началась «культурная революция», многие наши из Кульджи спасались: кто – в СССР, кто – в Австралию. Но выпускали по квотам, не всех сразу. Мы с братом тоже ведь сначала хотели выехать в Россию, на целину. В грузовиках места не хватило. А такие все довольные были, счастливые. Пели – «едем мы друзья в дальние края, станем новосёлами и ты, и я». Ничего с собой не брали, в консульстве объясняли, что там дадут всё необходимое. Долго ждали новой партии в Россию, ну, точнее, в Казахстан. А потом пришло письмо. Одно-единственное... «Нам не выдали палатки. Роем землянки к зиме. Если есть возможность, поезжайте в Австралию. Там тепло». Вот так и оказались в Аделаиде. Ну, ладно, пошли купаться, что ли. Только надо зайти повыше по течению. И не заплывай там, где бурлит: в омут затянет.

Сфотографировать купающихся в Или однокашников мне удалось лишь с третьего раза. То течение их сбивало, то я не мог удержаться внизу у дамбы. И только выбравшись наверх, я, наконец, вздохнул с облегчением.

Вверху, на парапете одиноко сидел Юрий Полужников, старший из братьев, и грустно смотрел куда-то вдаль.

– Что, не хочется купаться?..

– Ладно уж, я своё ещё в детстве откупался.

– Здесь, на Или?

– А где ж ещё... Мы с мая после уроков всё время здесь проводили. И рыбачили, и купались. Борис вон на том острове спас одноклассника, затащил его со стремнины на отмель. Родные места.

– Вы здесь родились?

– Нет. Родились мы на Дальнем востоке. Фамилия у нас – мамина. Отец был китайцем. Настоящим, из-под Пекина. Он случайно в СССР остался, война началась, обратно в Китай не выпустили. Женился на маме, мы родились. А потом, после войны китайцам разрешили вернуться назад. Но не на Восток Китая, а на Запад, в Синьцзян. Здесь китайцев тогда было мало. В основном, – уйгуры, дунгане и русские.

– Русские?

– Конечно, русские. Их тут знаешь, как уважали! Не грабили вообще. Русские жили в горах поодиночке, но у каждого было своё ружьё. И все об этом знали. Потому и уважали. Покупали у русских на равнине – муку пшеничную и кукурузную, а в горах – мёд и масло. Мёд, помню, здесь стоил дешевле сахара. Потому что русские кругом свои пасеки держали. И мельницы водяные все были русскими. Уйгуры русских тогда ценили. К Сталину хотели присоединиться, в СССР войти ещё одной республикой. Но Сталин с Мао решили по-своему. Ну, нам-то всё равно. Если бы не было той китайской «культурной революции», мы бы и в Австралию не уехали. Мы ж русские. Что, не похожи?

Конечно, в чертах лица братьев Полужниковых присутствовала и восточная раскосость, но в целом они всё-таки не напоминали китайцев. К тому же говорили оба на прекрасном русском языке. А ведь ещё полчаса назад я слышал, как они весело общались и на китайском, и на уйгурском. А в Австралии, пожалуй, так же легко говорят по-английски. Юрий кивнул головой в ответ на мои наблюдения.

– Да, язык – великая вещь! Наверно, мы потому и русские, что думаем на нашем языке. А ведь если рассудить, должны были стать китайцами. Да, да, не удивляйся. Переехали сюда мы с родителями, когда мне ещё и пяти лет не исполнилось. Я старший, а кроме Борьки ещё один младший был. А тут мамка умерла. Как-то вдруг... Отец целый день по базару бегаёт, продаёт какую-то мелочь: надо ж нас кормить. А я один с этой мелюзгой. В общем, увидела это дело русская соседка, взяла нас к себе. Домой приводила только переночевать. Так и воспитала. И в церковь с ней ходили. И в школу она меня собрала. В русскую школу. Я года полтора туда

ходил, пока отец не узнал. Он увидел, как я Борьку учу читать по-русски. Так разозлился! Ты, говорит, китаец, а ходишь в русскую школу. И назавтра меня в китайскую школу отвёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.